

Человек бунтующий: философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю

Пётр Рябов

Михаил Александрович Бакунин и Альбер Камю... Эти два имени не случайно соседствуют здесь. Оба эти мыслителя, жившие в разных странах и в разные столетия, сделали категорию «бунта» одним из основополагающих понятий своих оригинальных учений о человеке. Но если у Бакунина встречаются лишь отдельные, не приведенные в систему мысли о бунте, то у Камю бунт становится важнейшей категорией.

По мнению Михаила Бакунина, бунт является одним из трех важнейших признаков «всякого человеческого, как индивидуального, так и коллективного, проявления в истории», наряду с человеческой животностью и мыслью. Именно через бунт рождается личность, творчество, свобода, происходит вочеловечивание человека. Бунт, таким образом, является важнейшим и специфически человеческим качеством. Но что понимает Бакунин под словом «бунт» и против чего этот бунт направлен?

Вопреки распространенному стереотипу, Бакунин, этот пламенный бунтарь, понимает под бунтом отнюдь не тотальное отрицание, не безграничное разрушение. В своих произведениях он настойчиво указывает на границы бунта и на его относительность. По его убеждению, невозможен и лишен всякого смысла бунт абсолютный, бунт против Природы как мирового целого или против «второй природы» — Общества. Вне Природы и Общества для Бакунина ничего не существует, нет ничего сверхъестественного, и за их рамки выйти человеку не дано. Природа и Общество в целом — это почва, на которой мы вырастаем, поле, на котором мы обречены вести свою игру. Но против данной природы и данного общества человеку можно и должно бунтовать, преобразуя мир и себя в мире, рождая в борьбе специфически человеческую реальность. Ведь принять всю данность окружающего, мириться со всем злом и несовершенством мироздания — значит, по Бакунину, предать человеческий жребий, отречься от свободы. Невозможно как тотальное отрицание Природы и Общества, так и абсолютное принятие данной природы и данного общества. Познавая себя и законы, управляющие природой, обществом и им самим, человек одновременно частично освобождается от гнета этих законов, расширяет зону своей автономии, преодолевает сковывающие его узы в окружающем мире и в себе самом. Поэто-

му понятно, что огромное значение в человеческом бунте принадлежит мысли и науке, при помощи которых человек выделяется из окружающего мира и как бы «присваивает себе», по выражению Бакунина, законы, управляющие этим миром. В процессе этого бунта, пишет Бакунин, человек «добивается постепенно сбрасывания ига внешней природы, ига своих собственных естественных несовершенств и... ига авторитарно установленной социальной организации». Рассматриваемое под этим углом зрения развитие как отдельной личности, так и всего человечества в целом, есть бунт — бунт, опирающийся на исходные условия среды и одновременно отрицающий их. В такой трактовке бунта не как абсолютного и одноразового акта, но как процесса, сочетающего в себе моменты отрицания и созидания, очень ярко проявилась виртуозная диалектика Бакунина, нашедшая свое воплощение в его известном девизе: «Дух отрицающий есть дух созидающий, страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть».

Переходя от общефилософского рассмотрения бунта к его конкретным формам, Бакунин останавливается на таких видах бунта, как бунт человека против внешней природы (понимаемой в узком смысле слова); против своей собственной внутренней природы — точнее, против элемента «животности» в ней, вытесняемого растущей свободой, отождествляемой им с человечностью; бунт против Бога как сакральной основы любой идеальной и реальной тирании; бунт против любого внешнего авторитета, навязываемого личности извне и воплощаемого прежде всего в Государстве. Неоднозначным является отношение Бакунина к бунту личности против общества. В тех случаях, когда общество влияет на личность благотворно, способствуя развития мысли и свободы, бунт, конечно же, не нужен. В тех случаях, когда общество давит и поработачивает личность, развращает ее, бунт человека против общества в котором он живет, становится необходимым, как условие его духовного самосохранения. Бакунин подчеркивает, что Государство, всегда воздействующее на человека грубо, извне, насильственно, как бы само провоцирует на бунт против себя, и этот бунт многократно легче, нежели бунт человека против общества — предшествующего ему, окружающего его, незаметно и естественно формирующего индивида по своему образу и подобию. В таком случае, говорит Бакунин, «человек должен, по крайней мере отчасти, восстать против себя самого, ибо со всеми своими материальными, интеллектуальными и моральными задатками и стремлениями он сам есть лишь продукт общества».

В целом, говоря о понятии «бунта» у Бакунина, надо отметить его многогранность и неоднозначность в учении великого русского анархиста. Эта категория трактуется Бакуниным в разных местах его работ под несколько различными углами зрения, с разной степенью обобщения. С одной стороны, Михаил Александрович рассматривает «бунт» предельно широко, как синоним свободы и человечности, как неотъемлемый признак и элемент человеческого существования, как процесс развития человека, одновременно и вырастающего из почвы Природы и Общества, и связанного с этой почвой, и отрицающего, преобразующего ее. Надо добавить, что на эти мысли наложила отпечаток идея линейного прогресса природы и общества, являющаяся общим местом для большинства мыслителей XIX века. С другой стороны, он трактует категорию «бунта» более узко, как лишь частный момент свободы, один из ее компонентов, причем компонент сугубо отрицательный, не исчерпывающий

всего ее содержания. Наконец, нередко в произведениях Бакунина речь идет о конкретных формах бунта против конкретных же форм и явлений природы и общества — против божественного, государственного или общественного авторитета, против внешней бесчеловечной природы и внутренней животности человека. Как я уже отметил, Бакунин не систематизировал свои мысли о бунте, и приведенный здесь их обзор является несколько упрощенной, но в целом адекватной их реконструкцией.

Эти мысли о бунте для Бакунина принципиально важны, ибо позволили ему утвердить в мире, связанном жесткой закономерностью, человеческое начало, служа своеобразным гуманистическим противовесом исповедуемому им всеобщему детерминизму. Хотя эти мысли и не были развиты Бакуниным, но можно без преувеличения утверждать, что в учении о бунте Михаил Александрович почти на столетие опередил свое время и явился предшественником экзистенциальной философии бунта Альбера Камю.

Камю пытается найти ответ на великий вопрос, со всей остротой поставленный перед человеком современной эпохой: что мне делать и можно ли жить, если Бога нет, мир не имеет смысла, а я смертен? Для Камю абсурд, изначальная дочеловеческая и внечеловеческая бессмысленность мироздания, есть стихия человеческого существования, и поэтому достойным ответом человека на этот абсурд как раз и является непрерывный, безнадежный и героический бунт. Знать о своей смерти, не убегая от этого горького знания, и тем не менее жить, вносить в бессмысленный мир свой человеческий смысл — это уже означает «бунтовать». В таком бунте рождаются все человеческие ценности: смысл, свобода, творчество, солидарность. По Камю, абсурд начинает иметь смысл, когда с ним не соглашаются. Бунт изначально обречен на поражение, ибо смертен и отдельный человек, и человечество в целом. Именно в бунте человек — единственное животное, способное к бунту, к осознанию своей смертности, свободы и ответственности, — утверждает и свою личную индивидуальность, и общечеловеческую солидарность, и человеческий смысл, выраженный Камю в лаконичной формуле: «Я бунтую, следовательно, мы существуем». Тем самым категория «бунт» из метафоры или узкополитического понятия превращается в важную характеристику человеческого существования.

Бунт, по Камю, есть своего рода балансирование на острие ножа между двумя, с виду противоположными, но в сущности сходящимися воедино крайностями: крайностью тотального принятия, конформизма и крайностью тотального отрицания, нигилизма. И то и другое ведет к разрушению человека и человеческого мира. В первом случае человек отказывается от борьбы, от свободы, от себя, принимает мир целиком, каков он есть, со всеми его гнусностями и абсурдом, во втором — не выдержав борьбы, дезертирует, неизбежно идет к аморализму, убийству и самоубийству.

Альбер Камю подробно рассматривает все тупики и искушения этой «вселенной бунта», богато иллюстрируя свои рассуждения литературными, историческими, философскими примерами.

Осознав абсурд мира, человек может испугаться, отвернуться, бежать в миражи, либо, напротив, уйти из жизни, как Кириллов в «Бесах» Достоевского. И в том, и в другом случае — самоубийство, распад личности и человеческой реальности. Напротив, жить, не питая иллюзий, вносить в мир смысл, преобразовывать вселенную, совершая подвиг Сизифа — это путь, достойный человека. И на этом пути личность

проходит от изначального одиночества и потери всяческих ориентиров — к гуманистической солидарности свободных людей, отрицающих и самоубийство и убийство других людей. Ведь личность немислима вне человечества, и все люди объединены одним общим бременем — бременем знания и свободы. Бунтующему человеку не нужны ни рабы, ни господа — ему нужны такие же свободные люди. Такие люди не стремятся раствориться в объективном мире, не ищут утешения в кумирах Прогресса, Науки или в исторических мифах, — они свободны и ответственны, они честно несут свою тяжелую ношу по жизни, не предавая человеческий удел. Отрицая богов и вечность, они утверждают свое время, свое настоящее, единственное, трепетное, неповторимое, в конечном счете, — самих себя.

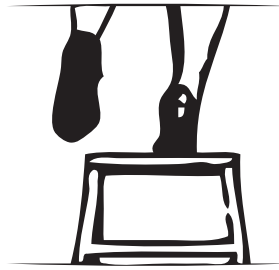
Бунтуя, человек не убегает из мира, и не принимает его полностью, но преобразует его и тем самым вочеловечивается сам. Рассматривая дороги и перепутья «вселенной бунта», Камю, в частности, показывает, что в политике тотальное отрицание ведет к тому же рабству и диктатуре, что и тотальное принятие существующего порядка: прометеи превращаются в цезарей, сверхчеловеки начинают нуждаться в рабах.

Яркий и показательный пример бунта — искусство. Камю пишет: «Искусство не есть ни тотальный отказ, ни тотальное согласие с тем, что есть». Искусство — и отказ, и согласие одновременно. Ибо тотальное отрицание в искусстве ведет к чистому формализму, к отрыву и уходу от мира, а тотальное принятие — к чистому «фотографическому реализму»: и то, и другое абсолютно бесплодно, тогда как истинный художник и принимает мир, используя его материал для своих творений, и переделывает его, накладывая на косное вещество мироздания неповторимый отпечаток своего стиля.

Так, на многочисленных примерах, Камю показывает эти Сциллы и Харибды бунта, прокладывая ориентиры для трагической, но свободной и мыслящей личности, солидарной с другими такими же личностями — для Человека Бунтующего.

Философия бунта Камю — выдающееся достижение гуманистической мысли современности. Она возникла в пламени антифашистского Сопротивления и была основана на осмыслении катастрофического опыта XX века, поставившего под сомнение само существование человека. Но еще задолго до Камю в середине XIX века многие глубокие прозрения и интуиции, предваряющие его философию бунта, были высказаны русским анархистом М.А.Бакуниным. Эта философия Бунта, честная и человеческая, помогает человеку живущему в нашем жестоком, растерянном и абсурдном мире, найти прочную опору. Но эта опора — не удобные и унижительные костыли для жалкого инвалида, это — оружие сопротивления, вкладываемое в руки бойца, сражающегося в окопах современности.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Пётр Рябов
Человек бунтующий: философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю

bakunista.nadir.org (15 ноября 2011)

ru.theanarchistlibrary.org